

*Н. Д. УСПЕНСКИЙ,
заслуженный профессор
Ленинградской Духовной Академии,
доктор церковной истории*

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЛИТУРГИЯ (Историко-литургическое исследование)*

Глава 5

ИЗ ИСТОРИИ МОЛИТВЫ «НИКТОЖЕ ДОСТОИН»

Исторически Великий вход был связан с тремя компонентами, которые за длительное время их существования подвергались модификации. Чтобы представить историю их возникновения и модификации, рассмотрим эти компоненты в том порядке, в каком они возникали. В главе 4-й («Богословские труды», сб. 24) был обстоятельно изложен самый ранний из компонентов — поцелуй мира, или целование святых. Здесь мы изложим историю молитвы «Никтоже достоин», которую священник тайно читает в то время, когда открываются святые врата, лик поет «Иже Херувимы...», а диакон совершает каждение алтаря, престола, иконостаса, иерея, ликов и молящихся. Эту молитву автор впервые встретил в очень раннем списке «Божественной литургии иже во святых отца нашего Григория», опубликованном в 1716 году аббатом Евсевием Ренодотом.

Несколько слов об издателе этой литургии Евсевии Ренодоте. Евсевий Ренодот (†1720) — автор двух томов *Liturgiarum orientalium collectio*, Parisiis, 1716. В первом томе он издал египетские литургии: Василия Великого, Григория Богослова, Кирилла Александрийского и апостола Марка. Во втором томе он приводит до 40 списков сирийских литургий и комментарии к ним.

Заслуга Ренодота перед литургической наукой огромна. Он первым из ученых пришел к выводу о единстве литургии у всех христианских вероисповеданий (за исключением протестантов), выяснив, что в их основе лежит общее апостольское установление, несмотря на существование в разных Церквях различных форм, которые имеют отношение к апостольскому установлению, как частное к общему.

Отсюда Ренодот пришел к необходимости классификации литургий, даже носящих имя одного и того же лица, например апостола и евангелиста Марка, на отдельные местные группы: александрийскую, сирийскую, коптскую. Этим Ренодот положил начало дальнейшей разработке истории литургии. Нам остается добавить, что большое количество изданных Ренодотом памятников он сам перевел с сирийского языка на

* Продолжение. См.: «Богословские труды», сб. 21, 22, 23, 24.

латинский, сделав таким образом сирийские и коптские литургии доступными для ученых, не владеющих данными языками.

Первый том своего труда Ренодот посвятил исследованию коптских и арабских литургий, предварив последнее четырьмя диссертациями:

- 1) О восточных литургиях, их происхождении и авторитетности;
- 2) О литургиях александрийских;
- 3) О коптском языке;
- 4) О патриархе Александрийском с изложением его чинопоследований.

Прежде чем излагать содержание молитвы «Никтоже достоин», автор считает необходимым посвятить несколько страниц истории книгопечатания литургических памятников того времени, иначе появление указанной молитвы останется для читателей загадочным.

В 1560 году в Париже была издана по-гречески королевским печатником Вильямом Морелем книга «Литургии святых отцов Иакова, апостола и брата Господня, Василия Великого и Иоанна Златоуста». В роскошно изданной книге помещались еще три дополнительные статьи, касающиеся издания оригиналов, относящихся к правилу Трулльского Собора, осуждающему практику Армянской Церкви, употребляющей для причастия неразбавленное вино, и краткий трактат с именем Прокла, архиепископа Константинопольского, упоминающего литургии только святителей Климента, Иакова, Василия и Иоанна Златоуста (1, с. 6).

В латинском же переводе были сохранены сноски на святого Дионисия Ареопажита, на «Апологию» святого мученика Иустина Философа, на святого Григория Нисского, преподобных Иоанна Дамаскина, Николая Мефонского и Самона Газского, но было опущено имя преподобного Марка Ефесского. Вместо него были добавлены: Николай Кавасила (†1346), монах Максим (по-видимому, Максим Исповедник, † 662) и епископ Никейский Виссарион, принявший этот титул с переходом в католичество († 1472) (1, примеч.).

В том же году Морель отпечатал то, что, по-видимому, является переводом, сделанным с греческого, с небольшими дополнениями. Но истинным издателем обоих изданий (греческого и латинского) был «Иоанн святого Андрея». Так именовал себя скромный каноник парижского собора святого Андрея, один из ученейших знатоков старинной письменности. Его скромность не позволила ему упомянуть свое имя в связи с греческими литургиями, и он посвятил кардиналу Лотарингии Карлу латинский том. По той же причине он не называл источников, из которых извлекал свои сведения, и объявлял только, что они пришли *ex mediis Graeciae bibliothetis*. Вместо того, чтобы перевести свою копию «Святого Златоуста», он отпечатал латинский текст этой литургии, сделанный Львом Тусканом. Тускан был братом и учеником знаменитого Гуго Этериануса, современника императора Мануила (1172). В этой литургии упоминаются как здравствующие папа Николай, Елеферий, патриарх Александрийский, Кирилл, патриарх Антиохийский, и Леонтий, патриарх Иерусалимский. Если трудно установить годы их смерти, то нет никакого сомнения в том, что император Алексей родился в «пурпуре», то есть был наследником императора Мануила, и опубликованная при участии «Иоанна святого Андрея» литургия относится к началу XII века (1, с. 3).

Морель снабжал свои издания только одним печатным текстом литургии святого Иакова. В 1583 году Амвросий Дуард отпечатал том под заглавием *Λειτουργία του αγίου αποστόλου και ευαγγελιστου Μαρκου μαθητου του αγίου Πετρου* (1, с. 4).

Текст начинался письмом кардинала Вильяма Сирлети, датированным: Рим, 16 мая 1582 г. «Иоанну святого Андрея, канонику церкви в Париже». Кардинал сообщал, что в письмо вложена копия литургии святого евангелиста Марка, которую он собственноручно переписал с очень древнего манускрипта из монастыря святой Марии Одигитрии в Россано, где еще существует устав святого Василия. На последней странице имелась санкция самого епископа, из которой мы узнаем, что комментарий был взят из манускрипта более чем тысячелетней древности с привилегией императора Филиппа II. Единственной информацией епископа было его сообщение о том, что он нашел эту литургию в большой библиотеке кардинала Сирлети и что один ученый греческий библиотечарь переписал ее для него, а сам он перевел ее на латинский язык (1, с. 5).

Другое издание этой литургии вышло в Париже в типографии «главного королевского печатника» Фредерика Мореля в 1595 году. Фактическим издателем был «Иоанн святого Андрея». Литургия сопровождалась вступлением, в котором утверждается, что папа Григорий II Двоеслов (715—731) был составителем литургии Преждеосвященных Даров. Утверждение ошибочное, хотя оно имеет греческую интерпретацию с именем Георгия Кодина (там же).

Несколько слов о втором томе литургий Ренодота. Наиболее существенными для православных богословов являются в нем сирийские литургии святого апостола Иакова, относящиеся к периоду до Халкидонского Собора.

Древнейшая богослужебная практика не знала тайного чтения евхаристических молитв. По этому случаю святитель Иоанн Златоуст писал: «Есть случаи, в которых священник ничем не отличается от подначального, например, когда должно причащаться Страшных Таин... И в молитве, как всякий может видеть, много содействует народ... И молитвы благодарения также суть общие, ибо не один священник произносит благодарение, но и весь народ; ибо сперва получив ответ от народа и потом согласие, что достойно и праведно совершаемое, начинает священник благодарение. И что удивительного, если вместе со священником взывает народ, когда он возносит сии священные песни совокупно с самими Херувимами и Горними Силами» (2, с. 423).

В VI веке стало наблюдаться отступление от этой освященной от апостольского времени традиции. Гласное произношение анафоры стало заменяться тайным. В связи с этим нарушением император Юстиниан I издал распоряжение: «Повелеваем, чтобы все епископы и пресвитеры не тайно совершали Божественное приношение (т. е. Евхаристию. — Н. У.) и бывающую при Святом Крещении молитву (имеется в виду молитва «Велкий еси, Господи, и чудна дела Твоя...». — Н. У.), но таким голосом, который хорошо был бы слышен верным народом, дабы души слушающих приходили от того в большее благоговение, богохваление и благословение» (3).

В отдельных местах гласное чтение сохранялось даже в VII веке, о чем пишет Иоанн Мосх в «Луге духовном» (4).

Постепенное исчезновение гласного чтения анафоры и замена его тайным указывают на утрату того богословского интереса к содержанию анафоры, который был в Церкви V века. Знаменательно, что это явление происходило одновременно с заметной потерей интереса к составлению новых анафор. Можно сказать, что то и другое происходило одновременно с почти полным прекращением святоотеческой письменности и (в лице Евагрия) древнегреческой церковно-исторической науки. Очевидно, то был общий упадок духовной культуры ранневизантийской эпохи.

Святитель Василий Великий скончался 1 января 379 года. Святитель Иоанн Златоуст вступил на Константинопольскую кафедру 26 февраля 398 года и был низложен 20 июня 404 года. В его время в Константинополе уже была широко принята литургия святого Василия.

Даниэль приводит сообщение известного канониста XII века патриарха Антиохийского Феодора Вальсамона. На вопрос патриарха Александрийского Марка: «Совершаемые в областях Александрии и Иерусалима литургии, по преданию, написанные апостолами Иаковом, братом Господним, и Марком, можно ли принимать во святой и католической Церкви, или нет?» он (Вальсамон) отвечал: «Все Церкви должны следовать обычаю Нового Рима (то есть Константинополя. — Н. У.) и совершать священнослужение по преданиям великих учителей Иоанна Златоуста и Великого Василия, а о литургиях Иакова и Марка не сделано никакого упоминания в 85-м правиле Апостольском и 59-м правиле Лаодикийского Собора, и Константинопольская Церковь не признает их».

По поводу же 32-го правила Трулльского Собора, в котором вместе с анафорой апостола Иакова упоминается и анафора Василия Великого, Вальсамон замечал: «Из настоящего правила видно, что Иаков, брат Господень, как первый первосвященник Иерусалимской Церкви, первый предал Божественное священнодействие, которое у нас не известно, у иерусалимлян же и у жителей Палестины совершается в великие праздники, а александрийцы говорят, что есть и святого Марка, которую они употребляют часто. Я же всем вообще и даже перед царем святым говорил об этом, когда патриарх Александрийский прибыл в столицу; намереваясь служить вместе с нами и Вселенским (патриархом) в Великой церкви, он хотел держаться чинопоследования литургии Иакова, но был удержан нами и обещал совершить литургию так, как и мы» (5, с. 83).

После кончины святителя Иоанна Златоуста в Константинополе продолжала оставаться общепринятой литургия святителя Василия Великого. Замена его молитв молитвами Иоанна Златоуста носила частный характер. Их читали отдельные епископы в отдельных случаях, для многих же молитвы Златоуста могли быть неизвестными. Леонтий Иерусалимский (он же и Византийский, поскольку последние годы его жизни были связаны с Константинополем. — Н. У.) в трактате «Против несториан и евтихиан», написанном в 543 году, упрекает Феодора Мопсуэтского (6, с. 510), дерзнувшего составить свою анафору, не считаясь с тем, что существовала традиционная анафора апостольская (быть может, Леонтий имел в виду анафору Климентовой литургии или апостола Иакова) и «вдохновенная Святым Духом» анафора Василия Великого. Но Леонтий не сказал ни одного слова об анафоре Иоанна Зла-

тоуста. Трулльский Собор (692), осуждая армянскую практику совершения Евхаристии на вине, не растворенном водой (правило 32-е), ссылаясь на апостола Иакова и на Василия Великого, которые, «письменно предав нам таинственное священнодействие, положили в Божественной литургии из воды и вина составлять святую чашу», о Златоусте же говорит, что «он своей Церкви, над коей вверено было ему пастырское правление, предал присоединяти к вину воду» (правило 32-е) (7).

В 27-й главе «О коптской александрийской литургии» Ренодот сообщает сведения из истории литургий Василия Великого и Григория Богослова. Он пишет, что требующим аргументов может указать на кодекс Королевской библиотеки под № 3023, в связи с чем Иоганн Михаил Ванслебиус (память о котором между писателями всегда была почтена Иоанном Крестителем из Колберто, «с мандатами христианнейшего царя на Востоке») посылал в Королевскую библиотеку два или три фолианта с комментариями, написанными «элегантной и умелой рукой» (8, I, с. XXVII).

Он также прислал две литургии: первую — святителя Василия, которая в конце имела титул «*Ἡ Θεία λειτουργία του εν αἰείοις πατρος ἡμῶν του Θεαυματούργου Βασιλείου*» (то есть «Божественная литургия иже во святых отца нашего чудотворца Василия»).

Литургия святителя Григория имеет надпись «*Ἡ Θεία λειτουργία του εν αἰείοις πατρος ἡμῶν Γρηγορίου*» (то есть «Божественная литургия иже во святых отца нашего Григория»).

В конце диссертации Ренодот еще раз останавливается на сказанном выше, а именно, что «вторичное повторение литургий Василия и Григория Богослова взято из описания александрийского ритуала; впервые оно было взято из Королевской библиотеки, библиотечный шифр греко-арабский № 3023, характер египетский, письмо имеет форму, данную Бернардом Монфаконом в его «Палеографии» (8, I, с. 56).

После диссертаций Ренодот приводит три литургии из коптского собрания: 1) литургию святого Василия (с. 1—25); 2) литургию святого Григория (с. 26—37); 3) литургию святого Кирилла (с. 38—52). Затем, после небольшой статьи «О молитвах и благословениях, связанных с освящением всех предметов алтаря» (с. 53—56), Ренодот представляет три александрийских греческих литургии: 1) Василия Великого (с. 57—89); 2) Григория Богослова (с. 90—126) и 3) апостола и евангелиста Марка (с. 131—165). Из этой группы литургий выделяется литургия Григория Богослова. Первая молитва ее не имеет никакого надписания, тогда как во всех прочих литургиях первая молитва имеет надписание¹.

Вторая молитва надписана «Молитва по приготовлении святого жертвенника (т. е. престола. — Н. У.)». Третья — «Молитва святого Евангелия» и пред ней возгласение «Мир всем». Четвертая молитва — «Никтоже достоин», но она названа молитвой не Херувимской песни, а катапетасмы. После этой молитвы следуют молитвы целования святых, затем возгласение «Станем добре», народ: «Милость мира», иерей: «Любовь Бога Отца, и благодать Единородного Сына Господа и Бога Спасителя нашего Иисуса Христа и общение и дары Духа Святаго да будут со всеми вами». Иерей начинает читать анафору «Воистину достойно и праведно есть». Эта часть анафоры, которая теперь не отде-

ляется от дальнейшего текста ее, в литургии Григория Богослова отличалась тем, что во время чтения ее народу разрешалось сидеть. Затем диакон возглашал: «Οι καθήμενοι ἀναστήτε», тогда сидящие вставали и иерей продолжал читать: «Ты еси, Боже, Господи истинный от Бога истинного, Который свет Отца показал нам...»

В литургии Григория Богослова мы не слышим пения антифонов, тропарей и ектений, которыми начинается современная литургия как Василия Великого, так и Иоанна Златоуста. Это древнейший вид христианского богослужения — синаксис, что значит буквально «собрание» (разумеется молитвенное). Такое молитвенное собрание описано в Первом Послании апостола Павла к Коринфянам (14, 26—40).

В таком собрании читалось Священное Писание, пелись псалмы и была проповедь. Заканчивался синаксис общей молитвой. В воскресные дни и дни памяти святых после синаксиса совершалась Евхаристия. Следы такого богослужения сохранились и в александрийской литургии святого Григория. Народ присутствовал во время богослужения. Мы видим, что иерей перед чтением Евангелия говорил народу: «Мир всем».

Алтарь отличался от прочей части храма возвышенным полом. Здесь стоял престол, который в этой рукописи назван жертвенником (не следует смешивать с современным жертвенником. — Н. У.). Алтарь был отделен от прочей площади храма завесой. Если после синаксиса Евхаристия не совершалась, в таком случае иерей не входил в алтарь. В данном случае имелось в виду совершение Евхаристии, поэтому иерей после первой молитвы шел в алтарь и приготовлял его для служения Евхаристии, а после чтения Евангелия отдергивал завесу (ее называли катапетасмой), чтобы народ видел совершаемое таинство Евхаристии. Херувимской песни при этом не пелось. Поэтому молитву «Никтоже достоин» называли молитвой катапетасмы (8, I, с. 91—92).

Молитва по приготовлении святого алтаря

«Владыко, Господи Иисусе Христе, Боже наш, пришествием Твоим ради спасения и освящения Святейшим Духом Твоим сподобивый нас, грешных и преступных и недостойных рабов Твоих, предстать святому Твоему жертвеннику и приносить и совершать и служить непорочным тайнам Нового Твоего Завета. Сам Живодавче и благих Подателю, сотвори нам сие днесь во благо и сподоби нас в чистой совести служить Тебе во все дни жизни нашей, предстоять святому Твоему жертвеннику и совершать Тебе служение во оставление грехов и в наслаждение будущего блаженства. Помяни, Блаже, Благодарелю, Царю веков и всякого создания Творче, тех, которые приносят и за которых приносят. Нас же неосужденных сохрани в служении Божественным Твоим Тайнам, яко да благословится, и освятится, и прославится всесвятое и великолепое Имя Твое со Отцем Твоим и Святым Твоим Духом ныне и присно...» (8, I, с. 91—92).

Молитва святого Евангелия

Епископ преподает благословение «Мир всем» и читает молитву: «Владыко, Господи Иисусе Христе, Боже наш, святым Твоим ученикам и святым Твоим апостолам сказавый: многие пророки и праведники желали видеть то, что вы видите, и не видели, и слышать то, что вы слышите, и не слышали. Блаженны же очи тех, которые видят, и уши

тех, которые слышат. Достойнее же те, которые ныне слышат и творят по святым Твоим Евангелиям, через подражание святым Твоим». Епископ продолжал: «Сего ради, Владыко, и ныне о всех, которые почилы прежде нас, недостойных, совершаем их память в общих молитвах и прошениях, которые Тебе приносим, Господи Боже наш. Всех преставшихся упокой, Ты бо еси жизнь нас всех, и спасение нас всех, и надежда нас всех, и Врач нас всех, и воскресение нас всех, и Тебе славу, честь и благодарение воссылаем со Вседержителем Твоим Отцом и всё наполняющим Создателем и Всесвятым и Животворящим и Единосущным Тебе Духом ныне и присно...» (8, I, с. 92—93).

Молитва катапетасмы²

«Никто не достоин от связанных похотью и сластолюбием приходить, или приближаться, или служить Тебе, Царь славы, потому что служение Тебе велико и страшно и самим Небесным Силам недоступно. Но Ты ради неизреченного и безмерного Твоего человеколюбия стал человеком непреложно и неизменно и был назван нашим Первосвященником (Евр. 8) и священнодействие этой служебной и Бескровной Жертвы предал нам, как Владыка всех. Ты один, Господи Боже наш, владычествуешь небесными и земными и ПРЕИСПОДНИМИ (в славянском тексте написанное крупным шрифтом отсутствует), на Престоле херувимском носимый, Господь Серафимов и Царь Израилев, един Святой и во святых почивающий! Тебя молю, единого благого и внемлющего Бога! Посмотри на меня, грешного и непотребного раба Твоего, и исполни меня силы Святого Твоего Духа, чтобы мне, облеченному благодатью священства, предстать перед этим святым Твоим престолом и священнодействовать Святое и Пречистое Твое Тело и драгоценную Кровь Твою. К Тебе я прихожу, наклонив мою голову, и молю Тебя. Не отврати лица Твоего и не отвергай меня от детей Своих, но СПОДОБИ ПРИНЕСЕННЫМ ТЕБЕ БЫТИ МНОЮ, ГРЕШНЫМ И НЕДОСТОЙНЫМ РАБОМ ТВОИМ, ДАРОМ СИМ» (неудачный перевод выделенных слов с греческого до сих пор остается не исправленным).

Здесь речь идет о двух действиях от греческого глагола *δεχομαι*. В первом случае глагол должен быть в настоящем времени, а во втором — в будущем страдательного залога (*Futurum passivum*): «Но благосклонно сподоби меня, чтобы приносимые от грешного и непотребного раба Твоего дары были приятны Тебе (*Προσενεχθῆναι σοι*), потому что Ты один Освящающий и Освящаемый, Приносящий и Приносимый, Принимающий и Раздаваемый, Дарствующий и Даримый, и Тебе славу воссылаем с Отцом и Святым Духом...»

Последняя приписка в чине этой литургии открывает нам имя ее автора: «*Εν εἰρήνῃ τοῦ Θεοῦ ἐτελέσθη ἡ Θεία λειτουργία, καὶ ὡραιομένη τῷ ἐν αὐτοῖς πατρὶ ἡμῶν Θεολόγῳ Γρηγορίῳ*», то есть: «В мире с Богом совершилась Божественная литургия и проверена нже во святых отцу нашему Богослову Григорию» (8, I, с. 93—94).

Конец молитвы катапетасмы, завершающийся словами: «Потому что Ты один Освящающий и Освящаемый, Приносящий и Приносимый, Принимающий и Раздаваемый, Дарствующий и Даримый, и Тебе славу воссылаем с Отцом и Святым Духом...», в XII веке вызвал брожение среди греческих богословов.

Основной особенностью византийского богословия является его глу-

бокая традиционная верность святоотеческому Преданию. Византийское богословие всегда органически развивалось из творений отцов Древней Церкви. Поэтому естественно, что всякое учение, противоречащее Преданию, богословское или философское, вступало в конфликт с Церковью, обличалось и извергалось из церковной огады. Отпор и осуждение встретила при Мануиле Комнине и латинствующая партия во главе с Сотирихом, пытавшаяся внести в византийское богословие идеи западной схоластики.

Поводом к возникновению догматических споров, охвативших широкие круги и приведших к Соборам 1156—1157 годов, явилось столкновение между известными преподавателями тогдашней высшей духовной школы, занимавшими кафедры толкования Священного Писания в храмах столицы Византии: Михаилом из Фессалоник и Никифором Василяки, с одной стороны, и диаконом Василием — с другой.

Услышав слова Василия, объяснявшего Евангелие в храме апостола Иоанна Богослова, о том, что «Один и Тот же Сын Божий бывает Жертвой и вместе с Отцом приемлет Жертву», Михаил и Никифор Василяки сделали вывод, что Василий вводит две Ипостаси, ибо «принести жертву — значит одно, а принять ее — другое».

Богословский спор вскоре принял массовый характер. К мнению Никифора Василяки присоединились некоторые иерархи, а также кандидат на Антиохийский патриарший престол — диакон Сотирих Пантевген, впоследствии упорно защищавший это мнение. Главным защитником православного учения был епископ Мефонский Николай, написавший в опровержение мнений Сотириха и его последователей несколько полемико-догматических сочинений.

Первый Собор, 1156 года, был созван по инициативе новоизбранного русского (Киевского) митрополита Константина, который перед отправлением в далекое путешествие к своей новой, киевской пастве хотел узнать определение Собора в отношении пререкаемых слов «Ты еси Приносяй и Приносимый» и т. д. Собор собрался в храме апостола Фомы под председательством патриархов: Константинопольского Константина IV и Иерусалимского Николая. В Соборе участвовали 24 архiereя и ряд высоких императорских чиновников-ученых.

На первом заседании были зачитаны слова из молитвы на литургии Василия Великого: «Сподобил принесенным Тебе быти, мною, грешным и недостойным рабом Твоим, Даром сим: Сам бо еси Приносяй и Приносимый, и Приемляй и Раздаваемый, Христе Боже наш...»³. Были прочитаны слова святителя Кирилла, архиепископа Александрийского: «Будем пить Кровь Его Святую во очищение наших прегрешений и для участия в воскресении в Нем, веруя при этом, что Он Сам Священник и Жертва, Сам Приносящий и Приносимый, Приемлющий и Раздаваемый, не разделяя на два Лица Божественное и нераздельное и неслиянное соединение Единого из Всечестной Троицы»⁴. Были заслушаны слова святителя Кирилла Иерусалимского из его «Слова на Сретение»: «Младенца вижу, приносящего законную Жертву на земле, но Его же вижу принимающим жертвы от всех на небесах. Вижу Его сидящим на херувимском Престоле, как Царя престололепно, вижу приносимого и очищаемого, вижу Самого все освящающего и очищающего. Сам Он — Дары, Сам — Архiereй, Сам — жертвенник, Сам — очистилище. Сам — Приносящий, Сам и Приносимый как Жертва за мир. Сам — огонь су-

щий, Сам — всесожжение, Сам — древо жизни и познания, Сам — меч Духа, Сам — Пастырь, Сам — Ангел, Сам — Жрец, Сам — Закон, Сам же и исполняющий этот закон»⁵.

Были еще приведены цитаты из творений святителя Кирилла Александрийского: «Когда Он стал человеком, то действовал как иерей, принося священнодействие не как великому Богу, но Себе Самому и Отцу...»⁶. Он Сам стал «Архиереем по человечеству, Божественно принимая жертву от всех, Сам — Жертва по плоти, Сам — очищающий наши грехи по всемогуществу Божества...»⁷. «Смотри, как Он священнодействует по человечеству и подвизается Посредник Бога и людей... Спаситель священнодействует по человечеству, но принимает жертву Сам по Божеству, Сый Сам и Бог и человек»⁸. Из всех цитированных святоотеческих слов отцы Собора особое значение придали словам патриарха Фотия: «Лица Святой Троицы имеют общее действие... У Святой Троицы общее Царство, сила и держава, также и слава, не только от нас возносимая, но и та, которую Сами Они — Лица Святой Троицы — принимают от Самих Себя»⁹.

Сотирих и его последователи утверждали, что Крестная Жертва была принесена одному Отцу и Духу Святому, но не Самому приносящему Слову; если это допустить, то Единородный Сын Божий полностью разделится на два лица, как это получалось у Нестория¹⁰. Кроме того, Сотирих и Василики утверждали, что не только миротворительная Крестная Жертва Христова, но и Евхаристия, совершаемая ежедневно в Его воспоминание, приносилась и приносится не Сыну, но только одному Отцу. В этом вопросе к Сотириху и Василики примыкали Михаил Солунский, епископ Диррахийский Евстафий и другие¹¹.

Собор принял в свое определение слова Киевского митрополита Константина, что «Животворящая Жертва как первоначально, когда она была совершена Спасителем Христом, так и после и донныне принесена и приносится не только одному Безначальному Отцу, но и Единородному и Самому Вочеловечившемуся Слову; точно так же не лишен этой Богоприличной чести и Святой Дух. Приношение же Таин произошло и происходит повсеместно Единому Триипостасному Божеству»¹².

Епископ Диррахийский согласился с этим и присоединился к соборному решению. Осужденные Собором сторонники Сотириха замолчали. Сам же Сотирих развил свое учение в форме диалога между им самим и неким Филоном. В этом диалоге он поддерживал осужденное на Соборе лжеучение. Диалог распространился и своей софистической аргументацией приобрел новых сторонников ереси в среде поверхностных христиан, особенно латинствующих.

Деятельность Сотириха и его единомышленников заставила императора Мануила Комнина созвать новый Собор для осуждения самого Сотириха. Собор открылся 12 мая 1157 г. под председательством нового Вселенского патриарха Луки Хрисоверга и Иерусалимского Иоанна, в присутствии императора, во Влахернском дворце. Отлучение предшествующим Собором не коснулось Сотириха, как кандидата на Антиохийскую патриаршую кафедру. (В списках Собора 1156 года имя Сотириха стояло между именами двух патриархов и Болгарского архиепископа.)

Предмет соборных суждений оставался прежний. В начале соборного томоса после упоминания о Соборе 1156 года, собранном по по-

чину митрополита Киевского Константина, и прочтения свитка отеческих мнений был заслушан проект нового соборного определения для его обсуждения и голосования. «Итак, собрав сие небольшое из многих свидетельств Божественных отцов для ясного доказательства истины, мы поместили это в настоящем списке, избегая длинноты слова. Хотящим же быть трудолюбивыми надлежит составить определение этого догмата из множества других свидетельств. После того как Божественные отцы изрекли столь единогласно об этом, ясно, что Владыка Христос добровольно принес Себя в Жертву, принес же Самого Себя по человечеству и Сам принял Жертву как Бог вместе с Отцом и Духом. Итак, на этом основании, на котором мы и прежде были соединены, подобает и впредь мудрствовать питомцам Церкви, как поклонникам Троицы. Богочеловек Слово вначале, во время Владычных Страстей, принес спасительную Жертву Отцу, Самому Себе, как Богу, и Духу, от Которых человек призван от небытия к бытию, Которых он и оскорбил, преступив заповедь, с Которыми произошло и примирение страданиями Христа. Равным образом и теперь Бескровные Жертвы приносятся всесовершенной и усовершенствующей Троице, и Она их принимает»¹³. Голосование началось с младших членов Собора (диаконов), которые изъявили полное согласие с определением, кроме дидаскала храма святых апостолов Никифора Василяки, который выразил неудовольствие, свое особое мнение и сомнения, не согласившись с определением. Спрошен был и Сотирих Пантевген. Сотирих просил времени на размышление. В этом ему было отказано и был задан вопрос: «Считает ли он, что Жертва принесена, и приносится Святой Троице, как выяснено было раньше, или одному Отцу?» Сотирих, заранее не приготовившись, ответил неопределенно, именно, что она приносится и одному Отцу, и не одному. Затем он произнес пространную речь, в которой свойство «принимать» признал «собственным признаком» Отческой Ипостаси, наряду с нерожденностью. Он доказывал, что если «принимать» есть свойство не Ипостаси Отца, но Божественной природы, то Божеству придется приписать признак временности, ибо и совершившееся и совершающееся приношение — оба во времени (после Воплощения), и «Бог будет тогда: иногда Бог, а иногда нет».

После речи Сотириха убеждать его стал сам император. Его аргументация сводилась к тому, что если Жертва принесена только одному из Лиц Святой Троицы, именно Отцу, то этим будут недовольны остальные два Лица, прославляемые, совечные и сопрестольные с Ним. После речи императора Сотирих встал и вслух прочел отречение от ереси: «Я согласен со святым и священным Собором в том, что Жертва, и ныне приносимая и тогда принесенная от Единородного и вочеловечшегося Слова, принесена была тогда и ныне вновь приносится Святой Троице и что она одна и та же самая, а не так думающему — анафема. Если же отыщется что-либо написанное к ниспровержению сего, то и это подвергаю анафеме. Подпись: Сотирих Пантевген»¹⁴. После отречения Сотириха от ереси возник вопрос: как поступить с ним далее? Раскаившихся еретиков обычно принимали в церковное общение. Император уклонился от обсуждения этого вопроса, указав на каноны. Эти каноны в отношении Сотириха были применены со всей строгостью. Возможно, что за полтора года своей еретической пропаганды Сотирих досадил всем. К тому же довольно странным было его легкомыслие, с

которым он в одном и том же заседании Собора «путался», говоря, что «Жертва (евхаристическая) приносится и одному Отцу и не одному». Странными были и его суждения, когда он свойство «принимать» признавал «собственным признаком» Отеческой Ипостаси, наряду с нерожденностью, и доказывал, что если слово «принимать» есть свойство не Ипостаси, но Божественной природы, то Божееству придется приписать признак временности, и «Бог будет тогда: иногда — Бог, а иногда — нет». Мимолетность, с какой Сотирих после софистического рассуждения перешел к отречению от ереси, тоже могла вызвать сомнение у членов Собора в искренности его раскаяния. Очевидно, не без основания оба председательствовавшие патриарха и ряд архиепископов, как и большинство членов Собора, единогласно признали, что Сотирих не достоин никакого священного сана.

Кроме общего соборного определения, находящегося в «актах» Собора и приведенного выше, сохранились четыре анафематизма Собора 1157 года, вошедшие в «Синодик в Неделю Православия», имеющийся во многих списках, а также в печатной греческой Триоди. Догматическая ценность этих нижеприводимых (в русском переводе) статей Синодика является даже большей, нежели определения соборных актов, потому что здесь имеется не одно лишь соборное определение, но то же соборное определение, во-первых, тщательно и подробно формулированное для всеобщего обнародования, а во-вторых (это особенно важно), оно есть рецепированное определение, то есть определение, принятое Церковью, вслух которой оно возглашалось ежегодно, в первую Неделю Святой Четыредесятницы.

Собор в ограждение православных христиан от подобных ересей вынес четыре определения (1157 г.).

Определение 1-е. «Говорящим, что во время миропасительной страсти Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа Жертву Честного Его Тела и Крови, принесенную от Него о нашем спасении, как от Архиерея, действовавшего ради нас по-человечески (так как Он Сам и Бог, и Жрец, и Жертва, согласно великому в богословии Григорию), Он принес Сам Богу и Отцу, но не принял как Бог, с Отцом Сам Единородный и Дух Святой, так как чрез это они отчуждают от Боголелного единочестия Самого Бога Слова и Единосущного и Единославного Сему Утешителя Духа, анафема трижды».

Определение 2-е. «Не принимающим, что Жертва, ежедневно приносимая принявшим от Христа священнодействие Божественных Таин, приносится Святой Троице, как противоречащим священным и Божественным отцам Василию и Златоусту, с которыми согласны и остальные Богоносные отцы в своих словах и писаниях, анафема трижды».

Определение 3-е. «Слышащим Спасителя о преданном Им священнодействии Божественных Таин, говорящего: «Сие творите в Мое воспоминание», но не понимающим правильно слово «воспоминание» и дерзающим говорить, что оно (то есть воспоминание) обновляет мечтательно и образно Жертву Его Тела и Крови, принесенную на Честном Кресте Спасителем нашим в общее избавление и очищение, и что оно обновляет и ежедневную Жертву, приносимую священнодействующими Божественные Тайны, как предал Спаситель наш и Владыка всех, и

поэтому вводящим, что это иная жертва, чем совершенная изначально Спасителем и возносимая к той мечтательно и образно, как уничижающим неизменность Жертвы и таинство страшного и Божественного священнодействия, которым мы принимаем обручение будущей жизни, как это изъясняет Божественный отец наш Иоанн Златоуст во многих толкованиях великого Павла, анафема трижды».

Определение 4-е. «Выдумывающим и вводящим временные расстояния в примирении человеческого естества с Божественным и блаженным естеством Живоначалной и Всенетленной Троицы и законополагающим, что мы сперва примирились с Единородным Словом из самого соединения (с Ним), а после с Богом и Отцом спасительной Страстию Владыки Христа, и разделяющим то, что нераздельно у Божественных и блаженных отцов (которые научили, что Единородный примирил нас с Самим Собой посредством всего таинства Домостроительства и через Самого Себя и в Себе с Богом и Отцом и, соответственно вполне, со Всесвятым и Животворящим Духом), как изобретателям новых и иноплемennых учений, анафема трижды».

Необходимо отметить, что анафематизмы эти провозглашались и в Русской Церкви везде до 1766 года, когда весь Синодик был сокращен (из него были исключены перечисления отдельных еретиков, начиная с Ария и Нестория) и вновь сформулированы 12 анафематизмов. В греческой же Церкви эти анафематизмы против тех, кто ошибочно истолковывает слова литургийной молитвы и неправильно понимает евхаристическую и искупительную Жертвы, имеются в современных печатных Триодях (например, венецианской, изд. 1856 г.).

О значении этого памятника (Синодика), как источника для изучения Византии, Ф. И. Успенский говорит: «Формальная ценность этого материала (статей Синодика) доказывается тем, что большинство соборных актов утрачено бесследно, между тем как вносимые в Синодик статьи вырезывались на камне и хранились в церкви святой Софии. До самого падения Константинополя наблюдается развитие и наращение в частях этого памятника. Можно сказать, что Синодик полного состава представляет собою всю историю болезни, которая по временам захватывала Византийскую Церковь, и включает живыми красками написанную картину борьбы из-за богословских, философских и близких к ним вопросов. Разумею не отвлеченные вопросы, интересующие только клир церковный, но такие, которыми занималось всё общество, о которых велись беседы на площадях и в частных собраниях»¹⁵.

Возможно, что Сотирих, Василики и их единомышленники были прозападниками и проводили одну из ходивших на Западе теорий схоластики. Эта теория была сформулирована еще папой Климентом VI в булле "Unigenitus Dei Filii" (1343)¹⁶.

Общecerковное (латинское) решение она получила на Тридентском Соборе¹⁷.

Встречающееся иногда в нашей богословской литературе мнение о принесении жертвы Богу Отцу объясняется, очевидно, недоразумением, а, может быть, так же как это было в далеком от нас XII столетии, западным влиянием.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Молитву ненадписанную автор нашел в греческой литургии святого Василия Великого, опубликованной в «Собрании древних литургий» (отдел первый, с. 169): «Посетивый нас милостями и щедротами».

² В переводе этой молитвы автор исходит из соображения ясности ее смысла, без претензий на его употребление за богослужением. В богослужебном тексте в отдельных случаях встречаются пропуски. Автор в таких случаях держится текста древнего оригинала и пропуски восполняет словами, выделенными крупным шрифтом.

³ См. молитву «Никтоже достоин» в литургиях Василия Великого и Иоанна Златоуста.

⁴ *Mai. Spicilegium Romanorum*, t. 10, Romae, 1844, p. 41—42 (свид. 21). (Этот источник положен в основу всех примечаний).

⁵ Там же, с. 42—43, из слова «На Сретение» (свид. 22).

⁶ Там же, с. 43, из 12 гл. против Феодорита (свид. 23).

⁷ Там же, из слова «К Царице» (свид. 24).

⁸ Там же, из слова «О послушании Христовом» (свид. 25).

⁹ Там же, с. 38—39. Слова патриарха Фотия (свид. 16).

¹⁰ Там же, с. 3—15. Диалог Сотириха, послуживший для Собора обвинительным актом при обсуждении и осуждении Сотириха.

¹¹ Там же, с. 26—55. Собрание творений свв. отцов в защиту православного учения.

¹² Там же, с. 70. Общее соборное определение.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, с. 55—58. Четыре анафематизма.

¹⁵ Проф. Ф. И. Успенский. Синодик в Неделю Православия. Одесса, 1893, с. 428—431.

¹⁶ См.: *H. Denzinger, Enchiridion symbolorum definitiorum et declarationum de rebus fidei et morum*. Ed. 11. Friburgi Brisgoviae, 1911, p. 220—221.

¹⁷ “Dominus noster Iesus Christus... Sua Sanctissima passione in ligno crucis nobis justificationem meruit et pro nobis Deo Patri satisfecit”. (То есть: «Господь наш Иисус Христос... Своим Святейшим страданием на древе крестном дал нам прощение и за нас Бору Отцу удовлетворение») (Sessio VI, s. 7). “Is igitur Deus et Dominus noster, et si semel se ipsum in ara crucis, morte intercedendo, Deo Patri oblatus erat, ut aeternam illis redemptionem operaretur...” («Итак, Он есть Господь и Бог наш, однажды на алтаре крестном пожертвовавший Своей жизнью, чтобы другие обрели вечное искупление...») “...Corpus et sanguinem Suum sub speciebus panis et vini Deo Patri obtulit” («Тело и Кровь Свою под видом хлеба и вина принес Бору Отцу») (Sessio XXII, с. 1).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Swainson J. The Greek Liturgy*. Cambridge, 1884.

2. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. Т. 2, кн. 1, 3-е изд. СПб., 1912.

3. Новелла 174, гл. 6. По изданию: С. Е. Zacharie a Lingenthal, Lipsiae, 1881.

4. *Иоанн Моск.* Луг духовный, гл. 194.

5. *H. Daniel. Codex liturgicus*. IV, Lipsiae.

6. *Berthold Alter, Alfred Stuiber, Patrologie-Herder*. Freiburg — Basel — Wien. 1978. S. 510.

7. Книга правил святых апостол, святых соборов, вселенских и поместных, и святых отец. Москва, 1914.

8. *Renaudot. Liturgiarum orientalium collectio*, Parisiis, 1716